

Анализ главы «Перед боем» поэмы

А. Т. Твардовского «Василий Тёркин» (1942–1945)

Не зарвёмся, так прорвёмся,

Будем живы – не поmrём.

Срок придёт, назад вернёмся,

Что отдали – все вернём.

Первые главы «Василия Тёркина» были напечатаны в газете «Красноармейская правда» в номерах за 1942 год и в это же время вышли отдельным изданием. В последующие три года произведение многократно перерабатывалось, а последнюю главу Твардовский написал летом 1945 года.

Нам, читателям, «Василий Тёркин» известен, прежде всего, как поэтическое произведение, относящееся к жанру поэмы, то есть крупного стихотворного произведения с повествовательным сюжетом, в основе которого лежит эпическое начало – обращение к описанию событий всенародно исторического значения (в нашем случае – ВОВ).

Однако общеизвестен тот факт, что сам А. Т. Твардовский определял жанр своего произведения так: «*книга* про бойца без начала и конца». Рассуждая об этом вопросе в своей статье «Ответ читателям “Василия Тёркина”», поэт отмечает: «жанр моей работы определился для меня, как некая летопись – не летопись, хроника – не хроника, а именно “*книга*”, живая, подвижная, свободная по форме *книга*».

Удивителен тот факт, что поэма А. Т. Твардовского обнаруживает в этой связи близость с таким произведением, как роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». Великий классик в своей статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”» тоже называет свое произведение *книгой*, а в его черновиках можно найти запись, напоминающую рассуждения Твардовского: «писание не подойдёт ни под какую форму, ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории».

Создавая масштабное эпическое полотно (Толстой – в прозе, а Твардовский – в стихах), художники слова ставили перед собой задачу

показать величие и непобедимую мощь русского народного духа и шире – победу жизни над смертью.

Именно по этой причине композиция «Василия Тёркина», как и «Войны и мира», строится на внутренней перекличке эпизодов, но, как и в книге Толстого, «лабиринт сцеплений» отнюдь не хаотичен.

С одной стороны, из-за того, что Твардовский писал части своей книги в военной обстановке, они хронологически соответствуют течению войны (отступление – наступление – победное движение на Запад), но в то же время раскрывают хронику военной жизни главного героя.

С другой стороны, поэма «Василий Тёркин» имеет чётко выстроенную композицию, в которой перекликающиеся главы имеют «симметрическое» расположение.

Так, ставшая предметом нашего рассмотрения третья глава («Перед боем»), повествует об отступлении и выходе Тёркина из окружения:

– Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счет войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.

По сюжету она как бы предшествует третьей с конца (28-й) («По дороге на Берлин») или четвертой от конца (27-й) («Про солдата-сироту») главам. В них даются два варианта развития ситуации третьей главы: в главе двадцать седьмой солдат возвращается в родные места, где в оккупации погибла вся его семья, а в главе двадцать восьмой русская женщина возвращается из немецкого плена на Родину, и покаянные размышления Тёркина о русской женщине, матери и жене солдата, перенесшей оккупацию и плен, находят смысловую перекличку с главой «Перед боем».

Поэма как жанр чаще всего повествует о путешествии (достаточно вспомнить произведения Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова и других авторов). По мысли Е. М. Мелетинского, архетипическая схема путешествия содержит мотив движения в пространстве.

Вот и глава «Перед боем» – очередной этап пути, по которому «Шёл наш брат, худой, голодный, // Потерявший связь и часть, // Шёл поротно и повзводно, // И с компанией свободной, // И один, как перст, подчас». Трагизм ситуации, вынужденное отступление наших войск, автор подчеркивает, называя дорогу, по которой печально бредут солдаты, «покидая пленный край», «постылой». И подытоживает:

То была *печаль большая*,
Как брели мы на восток.

Глагол «идти» в разных грамматических и синонимических формах повторяется на протяжении всей этой главы, позволяя нам в буквальном смысле ощутить ход войны, ее неумолимое, к сожалению, пока опережающее движение. Автор с грустью констатирует:

Знай вперед, что толку мало
От родимого угла,
Что *война и тут ступала*,
Впереди тебя прошла,
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну...

В этой связи Е. Ю. Полтавец, одна из исследовательниц творчества Л. Н. Толстого, обращаясь к поэме Твардовского как «наследнице» традиций великого классика, упоминает о том, что глава «Перед боем» напоминает эпизод посещения князем Андреем родной деревни Лысье Горы, остающейся при отступлении русской армии в тылу врага. Кроме того, она отмечает, что из всех русских городов в поэме «Василий Теркин» чаще всего упоминается Смоленск, так как автор и его герой – земляки. Считая излишним напоминать об известных всем страницах «Войны и мира», посвящённых оставлению русскими войсками Смоленска, исследовательница приводит еще одну очень интересную деталь, в которой проявляется

сходство произведений Толстого и Твардовского: «Я смоленский», – говорит князь Андрей; «А смоленский – вот он я», – вторит герой Твардовского.

Подводя итоги, можно отметить, что глава «Перед боем» играет важную роль в композиционной и смысловой структуре поэмы «Василий Тёркин», так как, по словам В. А. Недзвецкого, «о тяжёлых военных неудачах 1941 года поэт говорит своим читателям-бойцам не в 1945 году, когда эти неудачи были заслонены в воображении миллионов советских людей впечатляющими победами над врагом и его конечным разгромом, но в 1942 году, когда немецкие армии рвались к Волге и на Кавказ и исход войны был еще совершенно не ясен».

В главе «Перед боем» поэт показывает, какие черты характера проявил советский человек в жестокой борьбе с врагом, как воины преодолевали трудности и лишения, веря в силу и могущество своей родины. Отсюда и глубочайшая уверенность в том, что «Срок придёт, назад вернёмся, // Что отдали – всё вернём».